

М. А. Вавилова

Вологда

ПЕСЕННЫЙ
ФОЛЬКЛОР В ЗАПИСЯХ
М. Б. ЕДЕМСКОГО: принципы
собирания и исследования ¹

Изучение образцов народного песенного творчества из фольклорного собрания вологодского фольклориста, этнографа и краеведа Михаила Борисовича Едемского предпринято с целью введения в научный оборот новых текстов, зафиксировавших песенную традицию Кокшеньги и прилегающих к ней волостей Тотемского у. Вологодской губ. в 1903–1905, 1917–1918, 1922, 1924, 1927, 1930 гг. По своему содержанию и жанровому характеру фольклорные записи тех лет стали уже художественным наследием, памятником далекого прошлого, но не утратили научного значения. В широком научном обиходе по сей день представление о севернорусском фольклоре XIX – нач. XX вв. основывается на опубликованных записях классиков отечественной фольклористики (П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг, Е. В. Барсов, Н. Е. Ончуков, А. М. Астахова и др.), собрание трудов которых представляет собой антологию канонических образцов фольклорных текстов, но *не отражает в полной мере особенностей фольклорного процесса* того времени. Система фольклорных жанров, особенности их бытования даже в пределах одного региона не адекватны, не говоря уже о территории всей России.

Одной из актуальных проблем современной фольклористики является изучение локальных традиций народной культуры. В этом плане огромную ценность для науки представляют фольклорные архивы, хранящие описание традиций не в виде набора текстов канонических жанров, а отражающие живой фольклорный процесс, его динамику, тенденции развития в постоянно меняющихся социокультурных условиях. Фольклор – не собрание раритетов, а продуктивная, «живая», постоянно обновляющаяся система. Задачу постижения механизма трансмиссии народной культуры, изменения его социокультурных функций, особенностей бытования в разных социальных и половозрастных группах можно решить при комплексном изучении фольклорного процесса, опира-

ясь на наблюдения ученых-краеведов, записывавших фольклор в живом бытовании, что позволит заполнить лакуны в знаниях об истории и культуре этноса.

Собирательская деятельность фольклористов в известной мере характеризуется и определяется рамками научной концепции, индивидуальными научными пристрастиями, а также умением объективно оценить полевой материал. Поэтому при современном рассмотрении фольклорных записей прошлых лет на первый план выходит фигура фольклориста, его научные приоритеты.

Михаил Борисович Едемский² принадлежит к плеяде фольклористов-краеведов, пришедших в науку в последнее десятилетие XIX в. По системе взглядов, методике собирательской работы его можно отнести к так называемой школе «русских фольклористов». М. К. Азадовский называл Едемского в ряду последователей творческого метода П. Н. Рыбникова — А. Ф. Гильфердинга, воплотивших в своей собирательской практике идею Н. А. Добролюбова о необходимости изучать народное поэтическое творчество в связи с социально-экономической и внутренней жизнью его носителей³.

Для М. Б. Едемского знание народного быта было органичным: он родился в семье крестьянина д. Рыкаловской Тотемского у. Вологодской губ. (1870) и провел в крестьянской среде почти 30 лет своей жизни. Окончив Тотемскую учительскую семинарию, он работал в деревне до 1903 г. Знание народной среды, народных обычаев, языка сделало из Едемского, по верному замечанию С. Ф. Ольденбурга, «образцового экспедиционного работника», «превосходного собирателя и записывателя», свободно проникающего в народную творческую лабораторию⁴.

Свою первую работу (1899) М. Б. Едемский направляет в комиссию по составлению «Словаря русского языка» Академии наук под председательством А. А. Шахматова⁵, с которым у него завязываются теплые неофициальные отношения. Знакомство с вологодским этнографом-краеведом Н. А. Иваницким утвердило Едемского в правильности избранного им пути. «Везло» М. Б. Едемскому и в последующие годы: его становление как ученого-краеведа завершается в блестящем кругу молодых талантливых этнографов-фольклористов Д. К. Зеленина, Н. Е. Ончукова, В. И. Чернышева, сгруппировавшихся вокруг «Живой старины».

В «Живой старине», начиная с 1905 и до 1913 г., ежегодно появляются фольклорно-этнографические публикации Едемского⁶: «Говор жителей Кокшеньги Тотемского уезда» (1905), «Из Кокшеньгских преданий» (1905, 1908), «Вечерованье, городки и песни в Кокшеньге Тотемского уезда» (1905), «Загадки в Кокшеньге Тотемского уезда» (1906), «Прозвища в Кокшеньге» (1907), «Припевки в Кокшеньге» (1910), «Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии» (1912), «О крестьянских постройках на севере России» (1913).

В других изданиях печатаются «О старых торговых путях на севере России», «Кокшеньгская старина» и др.⁷

Десять лет в «Живой старине» были очень продуктивными для исследователя. В эти годы (1905—1913) научные интересы Едемского сосредоточились главным образом в сфере фольклора и краеведения.

Предметом всестороннего фольклорно-этнографического исследования стала Кокшеньга Тотемского уезда — родина исследователя⁸. И все работы этой поры связаны с ней: история Кокшеньги, ее говор, духовная жизнь, народное творчество.

Едемский никогда не был «чистым» фольклористом. Он смотрел на фольклор как на составную часть народной жизни. И в этом плане не кажутся случайными работы такого типа, как «О старых торговых путях на севере России», «О крестьянских постройках на севере России», «Обрядовое и праздничное пивоварение на севере России», «Пчеловодство в Тотемском уезде», а позднее — «Природные краски на севере Европейской части СССР», «Деревенская фенология», «Детские игры и игрушки». Все это разные стороны деревенской крестьянской жизни.

В 1912 г., в 42-летнем возрасте «сторонним слушателем» (то есть заочно) М. Б. Едемский с отличием закончил физико-математический факультет Петербургского университета по отделению геологии.

Едемский написал около пятидесяти работ по вопросам геологии, принимал участие и в качестве экспедиционного работника, и в качестве руководителя в тридцати геологических экспедициях. Он изучает полезные ископаемые Севера, чтобы использовать их в трудные для страны годы (1918—1929). «Перед нами все еще в изучении Северного края стоит та задача, которая была поставлена перед Академией наук в 1918 году <...>, — писал Едемский, — особенно внимательно относиться к вопросам изучения производительных сил и возможного приближения сырья к промышленности»⁹.

Исследование полезных ископаемых Севера ставит перед Едемским новые научные проблемы: становится насущной необходимость познать историческое прошлое земли, ее географические и биологические особенности. Круг его геологических интересов расширяется, в него входят стратиграфия, палеонтология, палеофитология. И хотя во всех своих многочисленных экспедициях он не забывал изучать материальную и духовную культуру народа, не переставал быть членом РГО, активно участвовал в «Сказочной Комиссии», фольклорные интересы заметно отходят на второй план. Едемский уже не успевает обрабатывать собранные материалы. Фольклорные публикации этих лет редки, они не представляют такой стройной системы по сравнению с ранними. «У него две специальности. И главная — геология», — значитесь против его фамилии в карточке учета научных интересов работников АН СССР тех лет¹⁰.

Едемский — «один из самых добросовестных и упорных работников», он «не только полевой, но и научный работник», «настойчивый и добросовестный», «многогранный и разносторонний», «активный общественный работник, отличающийся большой работоспособностью», — так характеризовали ученого люди, с которыми он работал¹¹.

Трудовой стаж М. Б. Едемского — 42 года. Трудовая книжка отразила этапы трудной и напряженной жизни¹². Она рассказывает о том, о чем сам Едемский никому не рассказывал: он был безработным, стоял в очереди на бирже труда, брался за временную работу, сокращался по реорганизации учреждений

и т. д. Но никогда не изменял он любимому делу. Он, в частности, за неимением другой работы, не гнушался быть рассыльным в Комиссии по изучению Русского Севера (1919), был простым рабочим в экспедиции на Север (1922), но не бросал занятия наукой.

Умер Едемский 28 декабря 1933 г., в возрасте 63 лет. «В основном, он был, конечно, геолог, — писал в некрологе Н. Е. Ончуков, — но оставил след и как этнограф, главным образом, как фольклорист-собиратель, как глубокий и вдумчивый наблюдатель крестьянской жизни», проведший всю свою жизнь «в бесконечных, буквально ежегодных экспедициях»¹³.

Едемский оставил более сорока работ по фольклору и этнографии, 27 из них опубликованы, 14 остались в рукописях и затерялись в редакциях. Остался неизданным огромный фольклорный архив — 1178 ед. хр. в Российском государственном архиве литературы и искусства и Государственном литературном музее, 74 листа сказок М. Шабунина в архиве РГО.

За научную работу в области фольклора и этнографии Едемский награждался серебряной (1906) и малой золотой (1912) медалями Русского географического общества, был Действительным членом РГО, научным сотрудником РГО, научным сотрудником первого разряда по этнографии, пожизненным членом Вологодского общества изучения Северного края. Можно согласиться с Д. К. Зелениным, так характеризовавшим научную работу Едемского: «Это целый подвиг, за который русские фольклористы не могут не быть благодарны ученому»¹⁴.

Методологические принципы и методика собирательской деятельности М. Б. Едемского формировались под влиянием разных научных течений в этнографии и фольклористике. В конце XIX — нач. XX вв. Русское географическое общество разработало несколько программ, направленных на изучение традиционной народной культуры, создало специальные комиссии по собиранию и изучению отдельных фольклорных жанров¹⁵. Были разработаны специальные инструкции, определяющие основные направления, методологию и методику собирательской работы. Особое внимание в них уделялось проблеме спасения от забвения самобытного «простонародного» творчества, «живой старины».

М. Б. Едемский на раннем этапе собирательской деятельности руководствовался именно этими принципами. «Чтобы сохранить то, что осталось от веками накопленного богатства народной поэзии и живет еще в памяти наиболее любознательных и памятливых современников, — писал он, — надо спешить записывать: сойдет со сцены еще поколение — и, быть может, другие обычаи, другие песни придут на смену старины»¹⁶. Подлинно народным творчеством М. Б. Едемский считал произведение фольклора, сохранившие отголоски русской истории, народного быта, народную лексику, топонимику и т. д. Он предпочитает работать с информаторами старшего поколения, которые знают «всякую писню, всякий причет и всю поведенцию» (Едемский цитирует одного из информаторов). Исходя из этих убеждений, М. Б. Едемский в поисках «чисто народных» жанров не записывал тексты, появляющиеся в крестьянском репертуаре под влиянием изменений в социальном быту деревни конца XIX —

нач. XX вв., не стремился зафиксировать картину современного бытования фольклора.

Кокшеньга Тотемского у. Вологодской губ., находясь в отдалении от железных дорог, торгово-промышленных центров, медленнее других регионов России вовлекалась в модернизацию общественной жизни и быта. Традиционная культурная среда еще достаточно хорошо сохраняла фольклор в первичных формах. В отличие от многих фольклористов и этнографов, М. Б. Едемский находился в более выгодном положении: он сам был носителем и хранителем фольклорного знания, вся его деятельность была связана с одним регионом. Отсутствие специальной теоретической подготовки компенсировалось его непосредственной включенностью в историко-культурный контекст Кокшеньги, а также самообразованием, прекрасным знанием работ выдающихся фольклористов, этнографов, местных краеведов. Методику собирательской практики М. Б. Едемского можно определить как фольклорно-этнографическую. Его интересовал не только текст, но и особенности его бытования, функциональное назначение. Он во многом предугадал направления развития отечественной фольклористики XX в.: необходимость безвыборочной записи текстов, изучения процессов, происходящих в фольклоре, по-своему попытался объяснить причину угасания фольклорных жанров, поставив вопрос о преемственности фольклорных традиций на очень конкретном материале — фольклорном репертуаре семьи. Позднее он расширил сферу наблюдений над репертуаром половозрастных групп. Проблема изучения семьи как феномена национальной культуры, гендерные аспекты фольклорной темы, лишь заявленные и угаданные М. Б. Едемским, особенно актуальны в наши дни¹⁷, о чем свидетельствует возрастающий интерес к этой проблематике в современной фольклористике¹⁸.

В связи с этим фольклорно-этнографический архив М. Б. Едемского приобретает особую научную значимость, требует систематизации, изучения, дальнейших разысканий материалов, упоминаемых Едемским в документах, но не обнаруженных в центральных архивах.

М. Б. Едемский при жизни опубликовал лишь незначительную часть своей фольклорно-этнографической коллекции. Основная ее часть хранится в архивах: РГАЛИ (Ф. 573: 115 ед. хранения, 1909—1931), АГЛМ (Ф. 4385/3888: 1063 ед. хранения, 1913—1924), АРГО (Ф. 1—858. Р. 7. Оп. 1: 105 ед. хранения, 1914—1916). Содержание коллекций отражает круг научных интересов М. Б. Едемского, позволяет, опираясь на его заметки и наблюдения, сделать выводы о бытовании фольклора, исполнителях, методике собирательской работы самого Едемского. Все архивные материалы можно распределить по тематическим группам.

1. Фольклорно-этнографическая группа:

1. Проза: сказки, предания, поверья, анекдоты, присказки.
2. Песни: лирические, игровые, хороводные, плясовые, свадебные, исторические, солдатские и др.
3. Фольклорно-этнографический цикл, связанный с детством: описание обрядов, сопровождающих рождение ребенка и первые дни роженицы и мла-

денца (в том числе тексты заговора, «молитвы бабы детинной», приговоров при купании и др.), колыбельные песни, байки, детские песенки, потешки, дразнилки, считалки, игры, игры с включением песен, скороговорки, описание игрушек.

4. Частушки девичьи, молодец, мужские, женские, прибаутки.
5. Духовные стихи.
6. Причитания похоронные и свадебные.
7. Описание свадьбы.
8. Сельскохозяйственный календарь, приметы.
9. Загадки.
10. Заговоры.

II. Этнографические материалы:

1. Описание пивоварения.
2. Описание одежды.
3. Описание пищи.
4. Описание утвари.
5. Описание целебных трав.
6. Анкеты для описания крестьянских промыслов.
7. Описание природных красок.
8. Пчеловодство.
9. Описание старообрядческих предметов, используемых при богослужении.
10. Описание выделки сапог.

III. Рукописи корреспондентов: Ф. Малевинского, Х. А. Шерстенковой, А. Ф. Кудрявцева, Г. Добрякова и двух неустановленных лиц с пометами и правкой М. Б. Едемского.

IV. Фотографии и рисунки (люди, дома, храмы и т. д.).

V. Биографические материалы:

1. Автобиография.
2. Список научных работ по фольклору, этнографии, геологии, подготовленный М. Б. Едемским.
3. Переписка.

VI. Геологические материалы.

Собрание песен в фольклорной коллекции Едемского занимает второе место после сказок. В публикациях они представлены крайне бедно и продолжают оставаться достоянием архивов¹⁹. Едемский не пытался систематизировать собранную им коллекцию. В его бумагах встречаются лишь попутные замечания и наблюдения, свидетельствующие о том, что эта проблема его интересовала. Основу записанного репертуара составляют лирические песни. М. Б. Едемский классифицировал их по манере исполнения и песенному размеру на «доўгие», «настоящие песни» и перебудки, припевки, то есть «частые», как называли их сами исполнители, а также по содержанию, перечисляя тематические циклы по степени их распространенности и сохранности: «лю-

бовные и семейные; затем солдатские и рекрутские; частью исторические; встречаются юмористические, сатирические и др.» В некоторых случаях Едемский отмечал, *когда* песня исполнялась: «во время Петровщины», на вечеринах, на гулянье, на празднике и пр. Встречаются интересные пояснения исполнителей, зафиксированные собирателем: «Письня из веков. От мамы слыхала» (Ф. Я. Едемская о песне «Загану я семь загадок»²⁰); «Слышала на фабрике, в Питере, за Московской заставой» («баба Анна» о песнях «Все люди живут», «В темнице темной разбойник сидел»²¹); «Припев поетцё другим голосом. Поётцё некруто, нежно»²² и т. д.

Первые записи песен сделаны Едемским в 1903 г. и опубликованы в 1904 г. в «Живой старине» («Вечерованье, городки и песни в Кокшеньге Тотемского уезда». Отдельный оттиск: СПб., 1905)²³. Первая часть статьи посвящена песенно-игровому фольклору. Хотя хороводно-игровой фольклор записывался, начиная с 30-х гг. XIX в., неоднократно, Едемский выделил вечеровальные песни, называемые в Кокшеньге «кружками» или «городками»²⁴, в самостоятельную жанровую группу. Он не употреблял термина «жанр», но перечислял признаки, позволяющие считать их особой жанровой разновидностью молодежной обрядовой поэзии. М. Б. Едемский описывает структурно-функциональные признаки городков, включенность в контекст традиционной регулятивной молодежной культуры, подчеркивает возрастную приуроченность песен, устойчивость репертуара, в котором преобладает любовно-брачная тематика, игровой характер исполнения, «иллюстрацию» городков движениями (притоптыванье, поднятие рук, указание, когда надо «коситесь», когда «вертись»), диалогический характер исполнения, выделяет этикетные моменты, организующие и регулирующие ход вечерованья: порядок рассаживания, способы выбора пары, речевой этикет, особые песенные формулы, направляющие общение. «Сезоном» городков, как отмечает Едемский, являются «Великое промежовенье», «сезон деревенских свадеб», «заговенье перед Петровками», а также Девятая пятница, Иванов день, Ильин день.

Из приведенного перечня следует, что молодежные сборы и игры в Кокшеньге продолжались в течение всего календарного года. Подтверждением этому может служить причитание кокшеньгской невесты («Свадьба в Кокшеньге» — зап. 1895—1896 гг.), которая печалится, что в замужестве из ее жизни вместе с «дивным красованьицем» уйдут «городочки-улучки», «баские кружочки», «гульбища-игриша», «легонькие перегудочки» [частушки — М. В.] «под гармонию веселою», «под тальянку звонкую», «качульки круглые». Весь этот перечень составляет единый сюжетно-тематический молодежный комплекс, имеющий свои пространственно-временные границы, соотносимые с природными ритмами. Т. А. Бернштам называет его «временем жизни» молодежи в переходный предбрачный период, «игрой», полный объем которой состоит из нескольких приуроченных к определенному времени циклов, повторяющейся в одной и той же последовательности ежегодно²⁵. Это период своеобразной подготовки к браку. Начало молодежных игр относится к весенне-летнему периоду — начальному этапу молодежных гуляний, получившему название «улица». Едемский не описывает ход весенних молодежных игр. По-видимому, они уже

активно не бытовали, хотя сохранялись в песенном репертуаре вне обряда: «Уж ты улица, улица моя», «Летел голубь мимо город», «Как у питерских было у ворот»²⁶ и другие, которые он записал от пожилых исполнителей во время экспедиции в Тотемский у. (Кокшеньга, Печеньга) в 1924 г. В архивных материалах есть перечень песен, «которые пели девицы, когда пойдут на реку: «Бережком ричька крутенька», «Я на ричиньке, девушки, стояла», «Уж ты улица, улица», «Не дуйте-ко ветерочки» и др.²⁷ Это, предположительно, репертуар молодежных уличных гуляний («гульбищ»), бытующий в 1924 г. уже вне обряда. Песенный репертуар вечерований можно считать завершающим этапом молодежного игрового цикла, поскольку вечерованья в закрытом помещении, скорее всего, были приурочены к осенне-зимнему периоду, предшествующему свадьбам. Семантика вечеровальных песен-городков развивает тему любовных отношений. Городки обычно заканчивались поцелуями. В научной литературе проводится мысль о связи поцелуев с аграрно-производящей магией (В. И. Чичеров, В. Я. Пропп). Однако в Кокшеньге во времена Едемского они носили игровой, условный, а не магический характер. Следы аграрно-производящей магии видны только в названиях песен, имеющих календарно-аграрную приуроченность («Посею конопельку», «Посеяли девки лен» и др.), в «присутствии» в песнях архаических персонажей (зайка, конь, козел, селезень), в подражательных движениях, изображающих повадки животных во время хоро-вода.

Годовую молодежную игру завершали святочные посиделки. Городками в Кокшеньге завершается девичник, логический конец молодежного игрового цикла, окончательное прощание с девичеством и холостой жизнью. Едемский подробно описал ход вечерований и песенный репертуар, но отметил: «Игра, по единодушному признанию как стариков, так и молодых, приходит в упадок. „Ноне путают, а не играют, — вздыхают подчас старики. — От игры „Во лужах“ осталась только одна фигура. Игра-то нонь нарушается“»²⁸. Причины «падения игры», по мнению Едемского, несколько: во-первых, гонения светских и церковных властей, считавших вечерованья «непотребными сборищами» и «бесовскими игрищами»; во-вторых, отлучки молодежи на заработки в другие губернии, которые вели к «перемене старых привычек на вновь приобретенные на чужой стороне»²⁹. «На смену городкам появляются танцы, — с горечью пишет Едемский, — ...уже в некоторых деревнях „гулели кадраль“; кроме танцев, в большом ходу стала не требующая большого числа участвующих игра „В соседушки“, самой существенной частью которой являются поцелуи в доказательство довольства соседом или соседкой»³⁰.

Переориентация на новый тип культуры совершенно естественно происходит в молодежной среде первоначально в рамках традиционных жанров. В 1917—1918 гг. от Анны Сергеевны Макаровой, крестьянки д. Останенской, 45 лет, неграмотной, Едемский записал несколько городков, которые она называла «кадрил»: «Как за нашим за двором», «Вдоль по ярманке купчик идет», «Сени», «По улице мостовой», «Цижик», «Как у наших у ворот»³¹. «Частые» городки обретают вторую жизнь, переходя в разряд «кадрильных» песен. Подобные наблюдения очень ценны, они дают возможность сделать выводы о про-

цессе трансформации лирических текстов, о приспособлении их к новым условиям бытования, о многофункциональности народной лирики.

В 1924 г. на беседе (вечерованье) в д. Рыкаловской М. Б. Едемский записывает песни, которые поют девицы в возрасте от 15 до 22 лет, то есть невесты: «Хас булат», «Над серебряной рекой», «Слети к нам, тихий вечер», «Метелица», «Я посею, молодушка, цветик», «Было по мосту, мосту», частушки³². Произошла практически полная смена репертуара: замена городков любовными песнями, в большинстве своем литературного происхождения. Под влиянием урбанизации происходит разрушение традиционной культурной среды деревни, изменение социокультурных функций фольклора, разрушение обрядового контекста, ориентация на новый тип культуры, на индивидуальность. В том же 1924 г. от двадцатилетней девицы Молодцовой Едемский записал ее индивидуальный репертуар: «Глаза карие», «На тюрбесской дороженьке» (вместо обычной Муромской, Тюрберь — деревня в Тотемском уезде — М. В.), «Любила меня мать, абажала», «Последний nonешной денечек», «Ах, зачем эта ночь так была коротка», «Зачем вы слово дали», «Вниз по Волге-реке». Основным источником репертуара — песенники, способствующие формированию нового слоя песенного репертуара. Слияясь с традиционной народной лирикой в единый репертуар, песни сохраняют признаки письменной поэзии. Процесс пополнения народного репертуара песнями литературного происхождения происходил и происходит постоянно. Песни литературного происхождения в процессе устного бытования «теряют» имя автора: «Степь да степь кругом» (И. З. Суриков), «Песня о Ваньке-ключнике» (В. Крестовский), «Среди долины ровныя» (А. Ф. Мерзляков) и др., созданные на основе традиционных народных песен. Через песенники они вторично вошли в народный репертуар, вытеснив оригиналы. Особенно интенсивно процесс пополнения народного репертуара песнями литературного происхождения наблюдался в XX в. Едемский отмечал, что «старая долгая песня» не популярна в молодежной среде. «Интерес к ним в молодых поколениях слабеет с каждым годом. Очевидно, содержание этих песен далеко не соответствует народившимся требованиям и вкусам личной и общественной жизни»³³. Проблема «сужения» фольклорного поля традиционной народной культуры воспринималась Едемским болезненно. Но как человек науки он старался объективно запечатлеть современный фольклорный процесс, отмечая его неравномерность и нестабильность. В 1921 г., на Пинеге³⁴, в д. Кулогоры, Едемский наблюдал соревновательную ситуацию, которую можно связать с процессом формирования новой культурной ориентации молодежи. Молодежное гулянье проходило летом на просторном лугу. Оно тянулось до утра. По характеру поведения и одежды — «чисто народному» и «чисто городскому» костюмам, а также «по смеси тех и других» — сформировались две группы молодежи, из которых одна придерживалась старых народных традиций, другая — городских порядков. «Поочередно слышались то старая русская песня, то городская, иногда совсем модная. Первая группа организовала хоровод, который при пении соответствующих песен то замыкался в круг, то размыкался, и, в последнем случае, по просторному лугу двигались от десяти до пятнадцати пар играющих. В хороводе пелись „Хожу я по травке, / Хожу по муравке“, „За

Доном гуляет казак молодой“, а из другой группы слышалось: „Накинув плащ“, „Степан Разин“, „Коробейники“. Чувствовалось как бы состязание между деревней и городом, старой местной традицией и надвинувшейся извне новизной, поддерживаемой новыми, входящими в народную жизнь порядками...»³⁵. Молодежь стремится в город, городской костюм теснит деревенский, на смену хороводу приходит кадриль, на смену вечоркам, беседам — кинематограф, футбол, мячечка. Едемский очень правильно объясняет причины угасания традиционной песни, вымещение ее из крестьянского репертуара. Народные песни имеют четкую функциональную приуроченность. Песни «Расплескалась, мати, вешняя вода», «По зорюшке по заре да по вечерней по заре» исполнялись на берегу реки, во время ледохода. Песни «Как во первом-то городе во Казани», «Во сыром-то бору да во темном лесу», «Край пути-то было да край дорожки» и другие «долгие», «досельные» поют во время праздника взрослые. А. А. Пирушкин, перечисляя свой песенный репертуар («За травкою, за муравкою», «Когда я был свободный мальчик», «Ярославец» («Братцы-ярославцы»), «Все люди живут, как цветы цветут», «Доля моя, доля»), сообщает, что эти песни мужики «поют за пивом, в Ильин день»³⁶. Лирическую песню Едемский считал составной частью *бытовых обрядов*. «Речь идет не о свадебных песнях, а о лирических», — пояснял он³⁷. С разрушением бытовой ситуации, «обряда», по терминологии Едемского, если не возникает новая сфера бытования (к примеру, как переход городков в кадрильные песни, колядок («Голяда») в разряд припевок и хороводных песен), если не возникает новая функциональная ниша, песня постепенно забывается. Она редко исполняется, продолжает храниться в памяти как незаконченный песенный фрагмент, окончательно исчезает из активного репертуара. Едемский записывал такие фрагменты песен в 4–6 строчек («Чернобровый, черноглазый милый мой» — 6 строчек, «Заной, мое сердечушко» — 5 строчек, «Как поехал да разудалый во дороженьку» — 4 строчки и др.). Выпадая из «обряда», песня перестает «сохраняться обычаем», переходит в разряд, который Едемский называет «просто песни».

М. Б. Едемский, отмечая процесс разрушения и угасания традиционной народной песни, углубляет методiku изучения происходящих в фольклоре явлений, открывает новый аспект исследования — поднимает проблему трансмиссии культуры. Он начинает фиксировать (не записывать) гендерный репертуар, акцентируя внимание на разных возрастных группах. В архивной коллекции Едемского можно выделить уникальные наблюдения-заметки — тематические циклы: репертуар молодого парня 17 лет, рядового крестьянина 40–45 лет, репертуар девушек 16–17 лет, женщин 40–45 лет, старшего поколения — 60–70 лет, «коммунистической молодежи». 40-летний С. В. Зюкин знал следующие песни: «Распремилые девушки, / Вы придите посидеть», «Раздуй, раздуй, погодушка», «За Дунаем гулет...», «На воле летает орел молодой», «Уж ли сад, ты мой сад», то есть песни традиционные крестьянские и новые.

Репертуар 17-летнего молодого парня не совпадает с репертуаром «отцов»: «Стенька Разин», «Пожар московский», «Вот по дороге тройка мчится», «Знаю, ворон, твой обычай», «Как родная меня мать провожала», «Не-

счастливой я родился», «Над тюремной кирпичной стеной», «Смело, товарищи, в ногу», «Интернационал» (Кулой, 1924—1925)³⁸. У коммунистической молодежи набор песен иной. Кроме революционных, студенческих, тюремных, чаще других поют «Не осенний мелкий дождичек», «Из страны, страны далекой», «Лучше было б не ходити» (Пинегга, 1921).

Репертуар девушек: «Размолодчики молоденьки», «Що сделалось, случилось с тобой», «Между речкой, между быстрой», а также те, которые записаны от Молодцовой. «Девушки почти не знают репертуара пожилых», — отмечал собиратель. Репертуар 78-летнего Константина Михайловича Ломова составляли «долгие» песни: «Вились, вились у молодца русые кудри», «Как со нашею со любимую сторонушку», «Время солнышко из-за лесу светить», «Последний день красы моей» и др. Фелицата Яковлевна Едемская, 75 лет, любила «писни из веков», которые она слышала от своей матери: «Загану я семь загадок», «Не белы снежки», «Скушно, матушка, весной жить одной», «Заной, мое сердечушко», «Экой Ваня, разудала голова». Репертуар 30-летних женщин представлен любовными, семейно-бытовыми, а также песнями колыбельными, байками, потешками.

Сопоставление репертуара разных половозрастных групп приводит к выводу об их несовпадении, об ориентации «отцов» и «детей» на разные типы культуры. М. Б. Едемский был опытным собирателем. Он отмечал, что новые формы быта, новые интересы и развлечения молодежи во многом изменили песенный репертуар, вытесняя традиционную песню, и писал: «Старые традиционные песни заменяются другими». Едемский не обобщает свои наблюдения (песня не входила в круг его постоянных научных интересов), но собранный им материал и отдельные зафиксированные наблюдения позволяют их обобщить и сделать ряд выводов вместе с Едемским и за Едемского. В народном песенном репертуаре не может быть «пустот». Следуя за наблюдениями опытного собирателя, можно попытаться показать, как происходит процесс «заполнения пустот», процесс воспроизводства репертуара. Во-первых, широко начинает бытовать частушка. Не испытывая особого влечения к этому жанру песен-импровизаций (кокшеньгское название «припевки», «перегудки», «нечёвушки»), М. Б. Едемский довольно объективно объясняет причину популярности частушек: «Несмотря на всю незатейливость ее содержания, она является послушным и гибким орудием для отражения настроения довольно разнообразных моментов жизни»³⁹. Сам Едемский частушки практически не записывал. В его собрании они занимают весьма скромное место — примерно 500 номеров. Но принцип записи сохранен: от «молодцов», девиц, молодых женщин, представителей старшего поколения.

Второй источник пополнения репертуара, — отмечает М. Б. Едемский, — «городская долгая песня», то есть песни литературного происхождения, песни рабочих, мещанские («жестокий романс»), распространяемые через песенники, календари, любочные сборники, которые носили названия популярных песен: «Маруся отравилась», «Могила» («Пускай могила меня накажет»), «Златые горы», «Гойда, Тройка», «Карие глазки», «Бывали дни веселые», «Мой костер», «Последний нынешний денечек», «Ах ты, бедная, бедная швейка»,

«Сережа-пастушок» и др.⁴⁰ Существование различных по своей художественной природе и генезису песен в одном репертуаре — явление не новое, его можно проследить за документально известный период — с середины XVIII в. В XX в. этот процесс активизировался, он отражает изменения в народном быте, в социально-бытовой сфере, в морально-эстетических воззрениях населения деревни. Сближение двух песенных культур — народной традиционной и профессиональной — сложный процесс, характеризующий судьбы жанра и требующий специального изучения.

Песни из коллекции М. Б. Едемского можно рассматривать в хронологической классификационной системе.

1.1. 57 песен, записанных в 1903 г. в д. Рыкаловской Спасской вол. большей частью в семье Я. Т. Кузнецова⁴¹. Большинство из них, сообщает М. Б. Едемский, распространены повсеместно. Конечно, репертуар одной семьи не исчерпывает локальную песенную традицию, но представляет определенный репертуарный срез, позволяющий судить о степени популярности песенных жанров, отдельных сюжетов, об устойчивости традиционного текста, что подтверждается как общерусскими, так и региональными вариантами. 41 песня семьи Кузнецовых повторилась в вариантах, записанных в Вологодской губ. Ф. Студитским, Н. А. Иваницким, братьями Б. и Ю. Соколовыми, а также в записях М. Б. Едемского в Тотемском у. (Кокшеньга, Печеньга) в 1924 г.

Следуя за расположением текстов, подготовленных самим М. Б. Едемским, можно понять его логику. Легко заметить, что в начале он помещает песни, которые, по-видимому, исполнялись чаще: они в лучшей сохранности. В конце публикации помещены неполные тексты (№№ 46, 47, 48, 49, 53, 54, 55, 56, 57). По-видимому, они исполнялись реже. В репертуаре семьи Кузнецовых (57 текстов) преобладают песни любовные — 32 варианта, семейные песни — 13 вариантов, солдатские — 11. Едемский не описал состав семьи, но по содержанию репертуара можно предположить, что информаторами были в основном женщины. Наиболее близки к общерусским вариантам, встречающимся в публикациях из разных регионов России, песни: «Поезжает-то миленький во дороженьку», «Сидела то Катенька / В новой горенке одна / Шила-вышивала / Тонки белы рукава», «Куда нам идти — горе нести?», «Що за год такой, да за народ лихой?», «Не цветите в поле алые цветы» и др. В то же время репертуар Кузнецовых позволяет проследить эволюционные процессы, свидетельствующие о происходящих изменениях в народной лирике. Возникают местные поэтические композиции из ряда мотивов, оторвавшихся от традиционного текста («Было по-мосту, мосту» плюс «Комарочки не давали ночку спать»); наблюдается «деконтаминация»: песни, представляющие варианты одного основного текста («Цвели в поле цветики», «Девушка жалуется губернатору на измену милого») исполняются как две самостоятельные; неудачные контаминации, нарушающие смысл текста. Например, в песне «Сидел ворон на береге» начало связано с солдатской темой: ворон сзывает «воин» на войну. Основное содержание — тюремная песня, рассказ о парне, промотавшем «капитал», попавшем в тюрьму. Конец — солдатская песня о встрече с непри-

ятелем, пальбе из пушек и «мелких из орудий». Не все тексты в записи 1903 г. закончены, есть пропуски в середине песни и т. д.

Однако в целом репертуар семьи Кузнецовых можно оценить как хорошо сохранившийся и отметить, что песню в этой семье любили.

1.2. Песни в записи 1917–1918, 1922 г. от Анны Сергеевны Макаровой, 45 лет, неграмотной, из д. Останенской⁴². От нее М. Б. Едемским записано 17 песен и 330 частушек. В репертуаре исполнительницы преобладают песни, оторвавшиеся от обрядов: городки, превратившиеся в кадрильные песни («Как за нашим, за нашим за двором», «Уж вы сени», «Вы не бейте меня, не ругайте меня» и др.), песни, оторвавшиеся от свадебного обряда («Приставала бела лебедь», «Уж вы соколы», «Не бывало ветру» и др.). А. С. Макарова, судя по репертуару, была веселой женщиной, плясуньей, частушечницей. От нее же записаны в хорошей сохранности исторические песни «Уж ты, матушка Россия, святорусская земля», «Поле цистое, турецкое». Эти песни имеют огромное количество вариантов. Скорее всего, их принесли в Кокшеньгу солдаты. Все варианты исторических песен А.С. Макаровой имеют несущественные различия с общерусскими.

1.3. Песни, записанные Едемским в Рыбинской губ., во время геологических экспедиций 1922 г., по-видимому, от случайных информаторов⁴³. Тексты немногочисленны, представлены только в черновиках. Наибольший интерес представляет одна песня из двадцати — «Не будите молоду», ранний вариант которой встречается в песенниках начала XIX в. Рыбинские варианты песен не сохранили локальных примет. На основании нескольких текстов делать какие-либо выводы сложно.

1.4. Песни, записанные во время экспедиции в Тотемский у. в 1924 г. В отчете об экспедиции М. Б. Едемский указывает, что было записано около 200 вариантов песен⁴⁴. Частично переписанные, они хранятся в РГАЛИ и архиве ГЛМ. Запись велась безвыборочным методом, тексты песен можно разделить на несколько групп: а) песни, имеющие большое количество общерусских вариантов; б) песни, имеющие только вологодские варианты; в) песни, не имеющие вариантов; г) песни, имеющие несущественные различия в ряде вариантов; д) песни, распавшиеся на несколько вариантов, представляющих части одного основного текста («деконтаминация»). Записи этих лет показывают, что «старая деревенская песня» продолжает бытовать. «Она исполняется людьми всех возрастов», поражает «своеобразной силой вызываемых ею переживаний (эмоций) чисто русской души», — отмечал Едемский в 1927 г.⁴⁵

Хронологический принцип расположения и описания песен из коллекции Едемского является особенно важным, поскольку именно он позволяет наблюдать за движением и процессом формирования фольклорного репертуара, определить основные тенденции его развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 2001 г. № 010400212а)

² Материалы к биографии М. Б. Едемского: *Вавилова М. А.* Из истории вологодского краеведения: Михаил Борисович Едемский (1870—1933 гг.) // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2000. С. 576—588. Библиография. С. 589—592.

³ *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. Т. 2. М., 1963. С. 244.

⁴ Из отзыва С. Ф. Ольденбурга. Архив РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Ед. хр. 23.

⁵ Письма М. Б. Едемского академику А. А. Шахматову (1914—1919). Архив СПбФИРИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 509. В одном из них М. Б. Едемский, находясь в больнице, жалуется на тяжелое состояние здоровья: «Сердце и артерия не в порядке... Ужасно хочется есть... Рад уж и тому, что лежать можно, а не стоять в очередях...». И о работе: «Пополняю предметный указатель к сказкам Смирнова» (7 июля 1919 г.).

⁶ Работы М. Б. Едемского по фольклору и этнографии: *Говор жителей Кокшеньги // ЖС. 1905. Вып. 1—2. С. 97—101; Из кокшеньгский преданий // ЖС. 1905. Вып. 1—2. С. 102—106; ЖС. 1908. Вып. 1. С. 75—83; Вып. 2. С. 211—218; Вечерованье, городки и песни в Кокшеньге Тотемского уезда // ЖС. 1905. Вып. 3—4. С. 459—512; Загадки в Кокшеньге Тотемского уезда // ЖС. 1906. Вып. 1. С. 2—68; Прозвища в Кокшеньге // ЖС. Вып. 1. Отд. 5. С. 2; Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда // ЖС. 1910. Вып. 1—2. С. 1—48; Вып. 3. С. 49—96; Вып. 4. С. 97—113; Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии // ЖС. Вып. 2—4. С. 221—258; О крестьянских постройках на севере России // ЖС. 1913. Вып. 1—2.*

⁷ О старых торговых путях на севере России // Записки русского отдела императорского Археографического общества. Т. IX. С. 39—62.

⁸ «Кокшеньгой называется местность на реке Кокшеньге с ее притоками, впадающими в реку Устью, правый берег Ваги» (*Едемский М. Б.* Говор жителей Кокшеньги...). В конце XIX — нач. XX вв. она называлась Шевденицкой волостью Тотемского у. Вологодской губ., включала шесть приходов: Илезский, Верхнекокшеньгский, Озерецкий, Долговический, Маркушевский, Спасский. По современному административному делению Кокшеньга входит в Тарногский р-н Вологодской обл. с центром с. Тарногский Городок.

⁹ *Едемский М. Б.* Полезные ископаемые Северного края. М.; Л., 1932. С. 5. Подробное описание полезных ископаемых Северного края см. в монографии: *Едемский М. Б.* Геология и полезные ископаемые Северного края. Архангельск, 1934.

¹⁰ Архив СПбФИРИ. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 310.

¹¹ Отзывы о М. Б. Едемском академиком А. Е. Ферсмана, А. Д. Архангельского, проф. Р. Я. Самойловича и др. см.: Архив РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Ед. хр. 23—25.

¹² Архив СПбФИРИ. Ф. 4. Оп. 4. № 5109. Трудовая книжка № 28/1643.

¹³ *Ончуков Н. М.* Б. Едемский. Некролог // СЭ. 1934. № 1—2. С. 233.

¹⁴ *Зеленин Д. К.* О трудах главного сотрудника М. Б. Едемского // Архив РГО. Ф. 1—1858. Оп. 1. Ед. хр. 110. № 273.

¹⁵ 1884 г. — «Песенная комиссия», председатель Г. И. Филиппов; 1912 г. — «Сказочная комиссия», председатель С. Ф. Ольденбург.

¹⁶ ЖС. 1910. Вып. 1. С. 2.

¹⁷ Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор / Сост. И. А. Морозов. М., 2001.

¹⁸ *Разумова И. А.* Современный русский семейный фольклор как этнографический феномен. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2000.

¹⁹ Сказки и песни Вологодской области / Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Под общ. ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова (40 текстов из архива ГЛМ, в записях 1924 г. из Тотемского у. Вологодской губ.); Сказки, песни, частушки Вологодского края / Под ред. В. В. Гура. Сев.-зап. кн. изд-во, 1965 (перепечатка из «Живой старины» двух текстов в записи 1905 г. в д. Рыкаловской Тотемского у. Вологодской губ.).

²⁰ Архив ГЛМ. Ф. 4385/23.

²¹ РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 1. Ед. хр. 30.

²² Архив ГЛМ. Ф. 4385/23.

²³ *Едемский М.* Вечерованье, городки и песни в Кокшеньге Тотемского уезда. СПб., 1905. С. 23. (Отдельный оттиск из журнала «Живая старина». 1904. Вып. III–IV).

²⁴ В других регионах их называют «танок», «круговая», «полянничная», «уличная», «вечорочная», «бесёдная», «проходочная», «хороводная» и т. д.

²⁵ *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – нач. XX в. Л., 1988. С. 231, 230–248.

²⁶ Архив ГЛМ. Ф. 4385/27.

²⁷ Там же. Ф. 4385/28-1.

²⁸ *Едемский М.* Вечерованье, городки и песни... С. 6.

²⁹ Там же. С. 7.

³⁰ Там же.

³¹ Архив ГЛМ. Ф. 4385/9.

³² Там же: Ф. 4385/21–1.

³³ ЖС. 1905. Вып. 3–4. С. 481.

³⁴ *Едемский М. Б.* Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губернии в 1921 году: Из путевых заметок // Север. 1923. Кн. 3–4. С. 199.

³⁵ Там же. С. 200.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 573. Оп. 101. № 30.

³⁷ *Едемский М. Б.* Этнологические наблюдения... С. 208.

³⁸ *Едемский М. Б.* Кулойско-Мезенский край: Этнологические наблюдения в 1927 году // Известия РГО. 1929. Т. LXI. Вып. 1–2. С. 95, 104, 107.

³⁹ *Едемский М.* Вечерованье, городки и песни... С. 2-3.

⁴⁰ *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1938. С. 423.

⁴¹ *Едемский М. Б.* Вечерованье, городки и песни... // ЖС. 1904. Вып. 3–4. С. 459–512.

⁴² Архив ГЛМ. Ф. 4385/3888–9.

⁴³ Там же: Ф. 4385/3888–8.

⁴⁴ *Едемский М. Б.* Краткие сведения о работе вологодского отряда этнологической экспедиции от Академии истории материальной культуры и Вологодского общества изучения Северного края в 1924 г. // Север. 1927. Кн. 3–4. С. 109–111.

⁴⁵ *Едемский М. Б.* Кулойско-Мезенский край... С. 102.